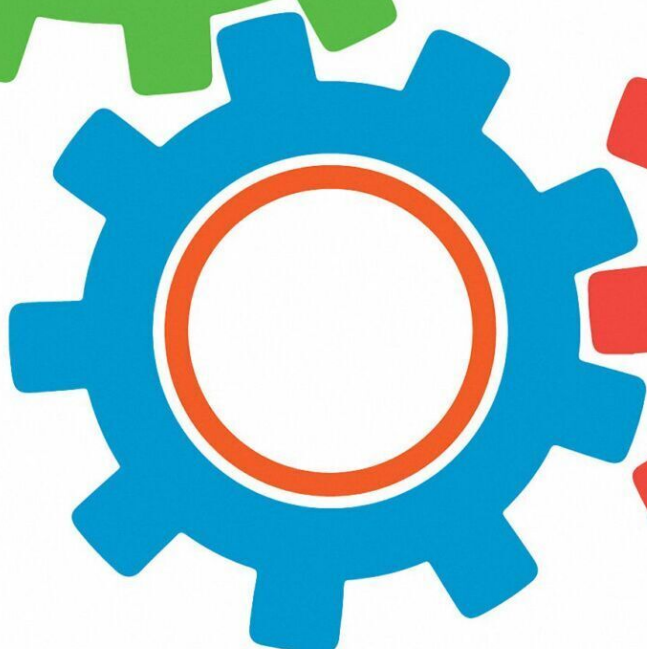

Мариэтта
Чудакова

Хочешь
научиться
думать?

Время – юность!

Мариэтта Чудакова

Хочешь научиться думать?

«ВЕБКНИГА»

2023

Чудакова М. О.

Хочешь научиться думать? / М. О. Чудакова — «ВЕБКНИГА»,
2023 — (Время – юность!)

ISBN 978-5-96-912366-3

Трудно назвать другого человека, которого бы одновременно так высоко ценили в академических кругах и уважали в самом широком кругу обычных граждан. Именно граждан, а не просто читателей – Мариэтта Омаровна Чудакова (1937–2021) остается в нашей памяти образцом настоящего патриота и гражданина. В последние годы Чудакова много писала для детей и подростков. «Хочешь научиться думать?» – одна из последних рукописей, которые она сдала в издательство. Как отличить чувство от мнения или убеждения? Можно ли поменять национальный характер? Умеешь ли ты – и считаешь ли нужным! – слушать собеседника? Готов ли ты верить историческим документам или тебя убедили, что в истории точных истин не существует? Каждому из подобных вопросов в книге посвящена целая глава. Учиться думать Мариэтта Омаровна предлагает на том материале, на котором училась сама, – на русской литературе и отечественной истории. И потому у нее получились не монография и не учебник, а мудрые и интересные заметки о прочитанном и пережитом.

ISBN 978-5-96-912366-3

© Чудакова М. О., 2023
© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Зачем я написала эту книжку?	6
Глава первая	9
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мариэтта Чудакова

Хочешь научиться думать?

В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ).

Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

© М. О. Чудакова, наследники, 2023

© «Время», 2023

* * *

Зачем я написала эту книжку?

1

Детство и отрочество – такие годы, когда человек все время чему-то учится, так уж устроено человечество.

Сельские ребята – рубить, колоть и пилить дрова, копать землю. Учатся они этому у деда, отца, старших братьев. Мой однокурсник и будущий муж Александр Чудаков родился и рос в маленьком – 20 тысяч населения – сибирском городке. Родители – учителя – ради детей держали корову, отец косил для нее траву в далеких покосах. Рубил лес – запасал дрова на зиму для печки.

Я как-то спросила мужа, когда он первый раз взял в руки топор? Надолго задумавшись, ответил:

- Не помню...
- А пилу?
- Не помню... С дедом рано пилил...
- А лопату?
- То же самое...

Нетрудно понять – значит, дед стал приучать внука к этим важным для сельской жизни умениям не позже пяти лет...

У городских детей и подростков свое – научиться кататься на самокате, велосипеде (а потом уж на мотороллере и мотоцикле), пользоваться айфоном (конечно, и в селах сегодня у многих он есть; но не у всех и не везде).

Вообще умений, которые надо бы освоить до шестнадцати-семнадцати лет, немало (это помимо школьных предметов!). Помогают в этом родственники, старшие друзья. Но одному – крайне важному в жизни умению – не учит обычно никто.

Потому я и взялась писать для вас эту книжку...

2

...В начале нового века и тысячелетия я неожиданно для себя сделала печальное открытие – граждане России, с мала до велика, в большинстве своем плохо – или даже очень плохо – знают свою самую большую в мире страну.

Конечно, мне могут возразить – мы же проходим в школе географию!

Так-то оно так. Но я не раз встречала в Москве неглупых людей с высшим образованием, которые были уверены, что Север и Сибирь примерно одно и то же. Где-то там, за Уралом...

Многие москвичи, петербуржцы и жители других крупных городов европейской части России ни разу в жизни не доехали до Уральского хребта. И что именно там, за Уралом, им толком неизвестно. А там – вплоть до Тихого океана – огромная, многим, повторю, неведомая страна...

Сегодня взрослые люди порой с большим напором убеждают вас, что лучшее, что вы можете сделать, – это «валить» из России. Из страны, о которой сами они сплошь и рядом и представления не имеют – и не могут ее оценить.

Чтобы познакомить детей и подростков с их страной, я написала несколько лет назад детский детектив «Дела и ужасы Жени Осинкиной». Там главная моя героиня едет на машине с двумя «афганцами» за рулем из Москвы через полстраны – Урал, Омск, Горный Алтай –

пять с половиной тысяч километров. Все, что она – москвичка – впервые в своей жизни видит по дороге, описано мною не понаслышке, а с натуры: прежде, чем взяться писать, я проехала по ее маршруту на машине три раза, описывая в записной книжке все, что видела по пути.

3

Около пятнадцати лет назад, осенью 2007 года, мы с одним из прототипов водителей «Жени Осинкиной» Андреем Мосиным проехали на машине от Владивостока до Москвы – четырнадцать с половиной тысяч километров. Я много ездила по миру, преподавала в университетах разных стран Европы и Америк. Но это путешествие не сравню ни с чем.

Задача моя была – встреча с библиотекарями и читателями библиотек семнадцати городов и поселков – по федеральной трассе. На этом пути 1300 километров – от Благовещенска до Читы – оказались бездорожьем, и десятки новеньких, купленных на владивостокском авторынке машин валялись в кюветах, но сейчас речь моя не об этом. Я ехала, чтобы подарить библиотекам много только что вышедших очень хороших книг. Отправили мы их из Москвы поездом («Байкал-сервис») в пять городов. И по дороге из Владивостока к Москве собирали их и раздавали.

Путешествие наше заняло месяц. Мы встречались с сотрудницами приморских и сибирских библиотек, замечательными просветителями, о которых в Москве, увы, и представления не имеют. Но речь сейчас опять-таки не об этом. А вот о чем.

Бесконечной красоты картины открывались перед нами. Бескрайние поля с убранными зерновыми... Заливные луга... Живописнейшие речушки, речки и великие реки – Лена, Обь, Енисей... Рощи, рощицы и непроходимые леса... Земля, в которой немало еще, как очевидно любому, неразведанных богатств... И, озирая без отрыва от руля эти прекрасные и к тому же беспредельные картины, восклицал Андрей Мосин, патриот из патриотов, но очень трезвый и нимало не зараженный презрением к другим нациям и странам человек:

– Мариэтта Омаровна, да что же это такое! Мы же можем лучше всех в мире жить! У нас же всё есть!

4

Вот об этом и речь.

Анна Ахматова, водившая дружбу с юным Иосифом Бродским – до тех пор пока судья Савельева не отправила будущего нобелевского лауреата в ссылку как тунеядца – за то, что он писал свои стихи не после работы у станка («как другие», как выразилась судья; похоже, видела неоднократно, как у нас в России на заводах толклись у станков будущие нобелиаты), – сохранила для нас один из его афоризмов: «Главное – это величие замысла!»

Это – более глубоко и верно, чем может кому-то показаться на первый взгляд.

Кто-то возразит: «Главное – полнота реализации любого замысла!»

Но представим себе, что автору величественного замысла удалось реализовать его только на треть, а чей-то скромный замысел реализован полностью. Результат очевиден. Даже реализация трети великого замысла дает больше успешного маленького.

Перед тем поколением, которому я посвящаю и к которому обращаю свою книжку, стоит величественная задача – реализовать нереализованные возможности бескрайней России. Заметно поднять качество жизни людей, начиная с здравоохранения и образования. Это вполне достижимые цели, несмотря на уровень коррупции и роль криминалитета. Ведь это наша, русская поговорка: «Волков бояться – в лес не ходить!»

5

Как ни странно покажется это кому-то, главное условие успеха – умение думать.

В нашей стране сложилась странная и опасная ситуация – большинство ее жителей (далеко не всех из них решишься назвать гражданами) разучилось (или не успело выучиться) думать. Причины этого мне понятны, известны даже имена циничных виновников, но опять-таки речь не об этом. А о том – возможно ли радикально изменить ситуацию?

Я уверена, что возможно.

Пути могут быть разными. Лично я выбрала свой – обращаюсь к людям от семи до семнадцати лет, к тем из них, кто готов откликнуться на мой призыв – взять да и поумнеть.

Им я постараюсь помочь.

И – при наличии их доброй воли – полностью уверена в успехе.

Глава первая

Всегда ли ты и правда думаешь, когда думаешь, что ты – думаешь?

1

«Мне пришла в голову мысль...» – цитирует Пушкин незримого собеседника. И довольно ехидно комментирует: «... Не может быть. Нет, NN, вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так».

В далекие времена на эти строки из малоизвестного текста Пушкина «Отрывки из писем, мысли и замечания» обратил мое внимание друг и соавтор, знаток и тонкий исследователь русских поэтов от Пушкина до Мандельштама Евгений Тоддес (1941–2014). Тогда-то я и задумалась впервые над привычным словом «мысль».

Да, не все, что называют *мыслью*, ею является.

Человек говорит: «Я *думаю*, что...» Пожалуйста, не сразу верьте этим словам. Вслушайтесь в рассуждения говорящего. И нередко (а сегодня, я бы сказала, даже часто) вы столкнетесь с тем, что *думаньем* тут и не пахнет. Мало этого – вы встретите (уверяю вас!) таких собеседников, которые и представления-то не имеют об этом увлекательном процессе...

Сразу поясню: речь не о тех, которых русский народ издавна припечатал присловьем «Пьяный проспится, дурак – никогда».

Говорю о людях, наделенных вполне себе нормальным интеллектом. Вопрос только в том, когда они его *включают*. И включают ли? Начиная о чем-то рассуждать, выстраивают ли необходимые логические цепочки?

2

Простой пример. В 90-е годы (к ним сегодня прилепили сознательно, с целью остановить размышление над ними, ярлык *лихие*; я же называю их *поворотными*; но сейчас речь не о политике) я была членом Комиссии по вопросам помилования при Президенте России (была такая очень важная для нашей страны Комиссия – каждую неделю рассматривали мы по 250 прошений к президенту; ликвидирована преемником президента Ельцина в конце 2001 года). Мне не раз приходилось говорить с людьми о смертной казни. Сама я убежденная ее противница

с девятнадцати лет и, сколько ни искала, как человек науки, аргументов против себя – не нашла. Так вот, в 90-е годы те, кто со мной спорил, приводили неотразимый, с их точки зрения, аргумент в пользу смертной казни:

– А как же тогда сексуальные маньяки, у которых на совести столько жертв? Чикатило?

– То есть, – уточняла я, – вы полагаете, что смертная казнь нужна, чтобы остановить этих убийц? Правильно я вас понимаю? Маньяки – действенный аргумент в ее пользу? Их надо расстреливать, чтоб другим неповадно было?

– Ну да!

– Вынуждена вас разочаровать. Это аргумент не против меня, а против вас. Те самые страшные маньяки были как раз при наличии смертной казни. Они не раз и не два имели случай убедиться, что за это расстреливают. И – увы! – это их не остановило.

...И что, вы думаете, человек спохватывался? Ах да, мол, и правда? Задумывался над бесспорным моим аргументом? Да нет, нисколько. Мозг прочно выключен. Сложившееся когда-то (и уже порядком слежавшееся) *мнение* закреплено. Человеку то ли неохота, то ли просто в голову не приходит его *перепроверить* – под влиянием новой информации.

3

А что это такое, собственно говоря, – *мнение*?

Как часто мы слышим: «Это мое мнение!»

Или: «Могу же я иметь свое мнение!»

Но все ли хорошо понимают, что они при этом имеют в виду?

Если углубиться в далекое прошлое – в языки так называемой индоевропейской группы (литовский, готский, древнеиндийский и т. п.), предшествовавшие нашему родному языку, везде «мнить» (в соответствующих тем языкам формам) будет означать, как и сегодня, – *думать, полагать*. «Не *мнишь* ли ты, что я тебя боюсь?» (Самозванец в «Борисе Годунове» – Марине Мнишек).

Мнение – суждение не с кондачка, а на основе размышления: «...Я совершенно с *мнением* господина прапорщика согласен, ибо *мнение* сие основано на всех правилах здоровой тактики...» («Капитанская дочка»).

Это может быть и оценочное суждение, основанное, однако, на фактах: «Он уронил Россию во *мнении* Европы...» (письмо Пушкина Нащокину, 1831).

Проливает свет на еще один оттенок слова «мнение» давнее высказывание Сергея Адамовича Ковалева в бытность его народным депутатом: «Я выражаю не *мнения* своих избирателей, а их *интересы*».

Очень важное различие! Человек может настойчиво высказывать свое *мнение* – поддерживать, скажем, политику своей власти, – и при том не понимать, что эта политика в немалой степени расходится с его *интересами*, насущными потребностями его и его семьи.

Глава вторая

Что это такое – мнение и убеждение?

1

Слово *мнение* имеет в русском языке множество тонких обертонов. В полной мере они доступны, пожалуй, только носителю русского языка – тому, для кого он родной или второй родной. Заглянем в многотомный Академический словарь и увидим ряд примеров, при общем значении разнящихся именно в оттенках. Потому, наверно, что это слишком давнее русское слово, с длинной историей употребления. Оно встречается в нашем языке еще в XI веке.

И все-таки главный его смысл – «суждение, выражающее *оценку*...».

Суждение – то есть результат *размышления, мысли*. Но отличие от суждений иного рода в том, что в высказанном вами мнении всегда – немалая доля личного, *оценочного*. А оценка – дело, пожалуй, сугубо личное, субъективное, даже если и претендующее при этом на объективность (экспертная оценка). Вот Женя Астафьева (моя внучка) сообщает мне: ее харьковский приятель «пошел купить лимонад “Крым”, потому что считает его очень вкусным. Его обозвали сепаратом». Так в нынешней напряженной политической обстановке оценили его вкусы.

Тот, кто не забывает своевременно нажать кнопку «*Думать!*», поймет, что недаром мы говорим: «Я о нем хорошего мнения» или «У нас в офисе все о нем не очень-то хорошего мнения».

Не все и не всегда упомянутую кнопку нажимают. И потому мы часто (и сегодня – всё чаще) наблюдаем человека, произносящего с важным и значительным видом «*Это мое мнение!*». Вид у него такой, будто он сообщает нам нечто непререкаемое, объективное, вроде закона всемирного тяготения.

В диалектах России – например, на Дону – было в ходу слово «мнёние», означающее «ум, сообразительность»: «Барышня хорошего мнёния» – хорошо, значит, соображает барышня. Может, в память об этом диалектном значении и ставит так высоко надменный господин свое «мнёние»?

2

В пушкинские времена это слово имело еще одно, впоследствии утраченное значение. Под *мнением* понимали, представьте себе, политические взгляды – не всякие, а, как сказали бы

мы сегодня, *оппозиционные*. И старший друг Пушкина Вяземский пишет в своей знаменитой «Старой записной книжке»: «Говорю здесь об одних политических преступниках, коих единственное преступление в *мнении*» (курсив мой. – М. Ч.).

3

Языковеды считают, что «все основные понятия, относящиеся к интеллектуальной сфере, выражаются словами старославянского происхождения – например, *разум, рассуждение, мысль, размышление, воззрение, убеждение* и т. п.» (акад. В. В. Виноградов). Старославянский язык был в буквальном смысле слова создан в IX – X веках братьями Кириллом и Мефодием (памятник им стоит на Славянской площади в Москве) для перевода с греческого книг православного богослужения. И сегодня можно слышать этот давно уже застывший, неразвивающийся (как и латынь) язык в церкви. Он называется *церковно-славянским*.

Ну это так – для общего образования (надо же знать, кому именно стоит памятник в Москве у метро «Китай-город»). А нас интересует сейчас слово *убеждение*.

Когда-то это слово означало главным образом действие – от глагола *убедить, убеждать* (кого-то). Но в пушкинское время (20–30-е годы XIX века) развилось новое (сегодняшнее) значение слова – «твердый взгляд на что-нибудь как элемент цельного мировоззрения, идейный принцип...». Подчеркивается, что это «точка зрения, сложившаяся на основе непосредственного рационального познания действительности». Академик Виноградов цитирует один из учебников «советского» времени, и «марксистско-ленинский» дух этого времени ощущается в формулировках. Но рациональное зерно здесь есть – во-первых, *твердый* взгляд, во-вторых – сложившийся в результате каких-то *умственных усилий*. Возьмем эти признаки *убеждения* на заметку – для дальнейшего.

У Лермонтова в «Фаталисте» («Герой нашего времени», 1840): «И как часто мы принимаем за *убеждение* обман чувств или промах рассудка!»

Не забудем и эти веские слова.

4

Приживалось слово в таком значении с трудом. В романе Тургенева «Рудин» (1855) Пигасов высмеивает «так называемые *убеждения*; всякий толкует о своих *убеждениях* и еще уважения к ним требует, носится с ними... <...>

– Прекрасно! – промолвил Рудин. – Стало быть, по-вашему, *убеждений* нет?

– Нет – и не существует.

– Это ваше *убеждение*?

– Да.

– Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай» (курсив Тургенева. – М. Ч.).

Глава третья

Как отличить чувство от мнения или убеждения?

1

Напомню памятное (надеюсь!) со школьных уроков грибоедовское – реплику Молчалина:

В мои лета не должно сметь
Свое *суждение* иметь...

И, соответственно, бурную реакцию Чацкого:

Помилуйте, мы с вами не ребята;
Зачем же *мнения* чужие только святы?

Выделенные нами курсивом слова приравнены. Чацкий уверен в своем праве на собственное *мнение*. А автор комедии, пережившей века, несомненно, знал, что и «мнение», и «суждение» равно требуют предварительного размышления...

Теперь оглянемся, как говаривали наши предки, окрест на сегодняшнюю нашу жизнь.

Что слышится, скажем, с телеэкрана – если идет политическая или публицистическая передача? Или в реальности – в спорах на так называемые политические темы (типа «чей Крым» или даже Донбасс?). Суждения? Мысли? Убеждения?

Нет-нет – все перечисленное как раз редко ссорит людей. Мысль зачастую покоряется другой мысли, более обоснованной. Даже *убеждения* могут измениться под напором совсем иных, но, однако же, неоспоримых для вдумчивого человека суждений.

Но сегодня – вы заметили? – споры идут на высоких тонах и обычно кончаются ничем: каждый остался при своем. А то и хуже того – разрывом дружеских (слышно со всех сторон, что уже и родственных!) связей. Что-то не получается с хладнокровным обдумыванием возражений собеседника, его аргументов...

2

Дело, видимо, еще и в том, что сегодня подавляющее большинство российских сограждан обменивается вовсе не *мыслями*.

«Не нравится мне Обама!», «Не выношу эту Псаки!» (или Меркель) – вот что мы слышим и читаем в интернете.

Попробуйте возразить – услышите негодующую реплику: «Могу я иметь *свои* убеждения? Вы так думаете? А я – вот эдак!» И совсем не понимает достойный сожаления человек, что он – не *думает*. Мыслями («Мне пришла в голову мысль...» – помните начало первой нашей главки?) здесь и не пахнет. Перед нами в чистом виде эмоция. То есть *чувство*.

А разве можно оспорить чувство? Никому еще не удалось. Между тем сегодня оно у нас отнюдь не безобидно – поскольку бездумно управляет *действиями* людей.

Сказал когда-то, кажется, Флобер умные слова: «Можно быть хозяином своих *действий*, но в *чувствах* своих мы не вольны» (курсив мой. – М. Ч.). Разумно сказано. Недаром французы – прямые наследники века Просвещения, то есть господства Разума. (Мечтаю, чтобы начался наконец этот век в России!)

3

Что же – люди вообще, что ли, не вправе испытывать эмоции по поводу политических лиц и дел? Да вовсе нет – сколько угодно! С одним очень важным условием: не выдавать *чувство* за *убеждение*.

И не класть чувство в основание своих действий – здесь место только *убеждениям*. Они-то и позволяют быть «хозяином своих действий». А под влиянием эмоций вы движетесь без руля и без ветрил.

В одном из неплохих толковых словарей последнего десятилетия сказано про *убеждение*: «Прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-нибудь...»

Здесь и только здесь появляется материал для интеллектуального спора. Я вам – аргумент в пользу своего мнения (суждения, убеждения...), вы мне – опровержение. В результате к чему-нибудь да придем.

Но вот что по-настоящему страшно – сегодня, похоже, большинство сограждан вовсе *не хочет* прийти к какому-то основательному суждению. И даже *не думает думать...* (Потому-то и обращаюсь к подросткам – в надежде, что их еще не затронула эпидемия *недуманья*.)

То есть *думать* согражданам нынче зачастую *вообще неохота*.

Честно признаюсь – не берусь объяснять. Мне всегда казалось, что *думать* – очень даже увлекательное занятие.

4

И напоследок: так все-таки – есть ли смысл спорить с человеком противоположных, чем твои, убеждений?

Мой пример будет весьма необычным. Рассказы о таких вполне мирных спорах я слышала, представьте себе, от лагерников – от тех, кто по десять и более лет отбыл на сталинской каторге – на Колыме, в Магадане и других не лучших местах.

В тюрьме, лагере, в какой-то мере и в ссылке люди жили вне ежедневной подчиненности «советскому» образу действий и во многом – и образу мыслей. И многие (или, по крайней мере, некоторые) обнаруживали свой подлинный облик – он оказывался для товарищей по несча-

стью привлекательным. Выступали вперед именно качества *личности*. Отделенные от политических взглядов, от идеологии. Идеология – нередко разная у разных арестантов – *перестала разъединять и вызывать взаимную ненависть* (в противовес тому, чего успешно добивались большевики вне тюрьмы и что мы, к сожалению, вновь наблюдаем сегодня). Именно так беседовали в тюрьме Лев Разгон и Михаил Рощаковский: «Он был убежденный монархист, националист и антисемит. Я был коммунистом, интернационалистом и евреем. Мы спорили почти все время. И выяснилось, что можно спорить с полностью инаковерующим, не раздражаясь, не впадая в ожесточение, с уважением друг к другу. Для меня это было подлинным открытием» (Разгон Л. Плен в своем отечестве).

Глава четвертая

Задумывались ли вы – что за люди, чьи имена носят улицы наших городов и сел? Чем прославили они свои имена?

1

Еще один пример *выключенности мысли*.

Проехав на машине от Владивостока до Москвы, останавливалась я во многих городах и поселках, и в *каждом* (исключений не встретила) – улица Урицкого.

Чем же так прославил себя товарищ М. Урицкий в памяти народной?

Почему и там, где никто о нем и слухом не слышал, красуется на табличке и в паспортах множества жителей (там, где прописка) его имя?

В «советской» России орудовал он всего ничего – меньше года. Вообще же был активным революционером с четырнадцати лет. После Октября участвовал – от большевиков – в созыве Учредительного собрания, а затем – в январе 1918 года – в его разгоне по решению Ленина.

В марте 1918 года назначен председателем Петроградской Чка (Чрезвычайной комиссии), учрежденной Лениным 7 (20) декабря 1917 года с правом бессудного расстрела и наводившей на людей страх и ужас одним именованием.

Развернул в Петрограде красный террор, уничтожая даже подозреваемых в контрреволюционных настроениях. Несколько барж с арестованными офицерами Балтийского флота были потоплены по его приказу в Финском заливе.

Спустя полгода таких кровавых действий, 30 августа 1918-го, Урицкий был застрелен в Петрограде молодым поэтом-эсером, другом казненного им. За это (а заодно и за то, что *в тот же день* в Москве было совершено революционеркой Фанни Каплан покушение на Ленина) в ближайшие ночи (у новой российской власти было принято вершить расправу именно по ночам) коллеги Урицкого – чекисты – расстреляли *более тысячи* ни в чем не повинных заложников.

Думают ли об этом те, кто живет в разных углах России на улицах Урицкого? Не знаю. А этих улиц в городах и поселках России сегодня *более пятисот*.

Знаете ли вы, что украшение Петербурга – Дворцовая площадь – с 1918 по 1944 год называлась *площадь Урицкого*? А красивейший Таврический дворец тоже долгие годы носил его имя?

Значит ли это, что в истории России – острый недостаток достойных людей, чьи имена заслуживают увековечивания?

Ответ на этот вопрос вы получите в следующей главе. Пока же продолжим обзор сегодняшнего положения дел.

2

Имя первого главы Всероссийской Чека Дзержинского многим, наверно, знакомо. А вот подробности реальной его деятельности на этом посту вряд ли хорошо известны сегодняшним школьникам.

«Работники ЧК – это солдаты революции, – писал он, – и они не могут пойти на работу розыска-шпионства: социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции. Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно».

Ленин дал им это право. И, как пишут историки, «кровь полилась рекой». С Лениным у Дзержинского был общий взгляд на человеческую жизнь.

Когда поставлена была задача *расказачивания*, то есть *поголовного* уничтожения казаков, Дзержинский пишет Ленину 19 декабря 1919 года:

«В районе Новочеркасска удерживается в плену более 200 тысяч казаков (остановитесь, мои юные читатели, осознайте эту огромную цифру – две сотни тысяч живых, полных сил мужчин! – М. Ч.) войска Донского и Кубанского. В городах Шахты и Каменске – более 500 тысяч (! – М. Ч.) казаков. Всего в плену около миллиона (! – М. Ч.) человек. Прошу санкции».

На что именно «санкции», оба прекрасно понимали.

Ленин наложил свою резолюцию: «Расстрелять всех до единого».

...Хочется думать, что тут сам Дзержинский дрогнул.

Скажите честно, разве одной только этой резолюции, погубившей около миллиона сограждан, недостаточно для того, чтобы выкинуть Ленина с Красной площади?

В России, по подсчетам энтузиастов, – более 7 тысяч памятников Ленину. На главной площади любого города, городка, поселка и села.

И что?

А то, что *каждый* местный ребенок пяти-семи, а кто поумней – и трех лет, идя за ручку с бабушкой мимо памятника, обязательно однажды спросит ее: «Ба, а это кто?» И легко предположить, что, *скорей всего*, она скажет, жалея внука или и правда так думая про человека, воплощенного в камне, что-то хорошее.

Но предположим, что бабушка окажется жутко продвинутая. И не захочет она воспроизводить в новых поколениях стереотипы, вдолбленные и ей, и ее детям. И рубанет с размаху: «А это, детка, один дядя, который нашу с тобой страну своими неумными действиями отбросил на сто лет назад...»

И тогда слышится следующий вопрос: «Ба, а почему такому плохому дяде – памятник?»

...И вдобавок – будто бы 7 тысяч 700 улиц носят его имя... Очень даже похоже. Но точно посчитать так и не удалось.

Глава пятая

Вам совсем-совсем все равно, чье имя носит улица, на которой вы живете?

1

Начну издалека.

Осенью 1920 года кровопролитная Гражданская война, шедшая два с половиной года, завершилась – победой Красной армии. Белая армия спешно эвакуировалась – на судах, по Черному морю – из последнего своего прибежища – Крыма.

За судами плыли кони – за своими хозяевами, не в силах понять, почему те уплывают от них...

Спустя много лет покидавший в 1920 году Россию юный белогвардеец Николай Туровцев напишет об этом стихи:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все мимо, мимо
В своего стрелял коня.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела вдруг вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Новая власть предлагала белым офицерам оставаться, обещая полную реабилитацию всем, кто сдаст оружие, зарегистрируется и откажется от сопротивления.

2

Это был обдуманный жестокий обман. Но обманутые еще не знали, что это обычный стиль новой власти.

Приходили к бывшим белогвардейцам по *адресам*, ими же самими и указанным, и расстреливали безо всякого суда. Организатором красного террора в Крыму была киевлянка Розалия Самойлова (партийная кличка Землячка).

За первую зиму было расстреляно 86 тысяч человек – из 800 тысяч населения. Это были не только офицеры, но, например, и медсестры из госпиталей Красного Креста, где лечились офицеры. Эти медсестры не эвакуировались с армией Врангеля – верные медицинскому долгу, они не считали возможным бросить своих больных. Они не думали, что их ждет гибель, – во всем цивилизованном мире Красный Крест считался неприкосновенным. Но не в России после Октября: «Советы очень отрицательно относились к Обществу Красного Креста и Международному комитету Красного Креста, поскольку видели там монархические взгляды и настроения» (Пажитнов Е. Е. Жертва красного террора из семьи Михаила Булгакова // Тыняновский сборник. Вып. 13. М., 2009. С. 646). Когда арестовали одну из медсестер, Наталью Трубецкую, исключительно по принадлежности к княжескому роду, медсестры по инициативе тетки будущего писателя Михаила Булгакова, Ирины Лукиничны Булгаковой (вдовы младшего брата его отца), обратились в Особый отдел с ходатайством в ее защиту. «Мы, что подписались, сестры милосердия, правление и члены профсоюза сестер милосердия Ялтинского района <...> ручаемся своими подписями, что сестра Трубецкая не была причастна ни к какой политической организации ни при старой, ни при новой власти (под «новой» имелось в виду Временное правительство. – М. Ч.), а потому убедительно просим коменданта тюрьмы отдать сестру Н. Трубецкую правлению членов профсоюза на поруки».

«В этот же день (! – М. Ч.) все шестнадцать подписавшихся, то есть *выгораживавших княгиню, врага трудового народа*, были арестованы и вскоре расстреляны <...> недалеко от водопада Учан-су. Среди них 21 декабря 1920 года расстреляна и Ирина Лукинична. Сохранилась и расстрельная анкета... На ней написано синим карандашом во весь лист: “Расстрелять. Удрис”».

«Так погибла тетя Михаила Афанасьевича, Ирина Лукинична Булгакова, урожденная Цитович (1867–21.12.1920)» (Пажитнов Е. Е. Указ. соч. С. 647–648; курсив автора).

... Не очень-то ясна личность чекиста Удриса, поскольку он подписывался без инициалов; но можно утверждать, что его подпись стоит на распоряжениях о расстреле в Ялте 7 декабря 1920 года – 315 человек, 10 декабря – 101 человек, 21 декабря – 203 человека...

Таковы были масштабы действий новой власти – бессудного уничтожения живых людей как животных.

3

Здесь появляется на российской исторической сцене тридцатипятилетний Бела Кун, во время Первой мировой войны – пленный офицер австро-венгерской армии, успевший после окончания войны (напомню – поражение Германии и Австро-Венгрии завершилось концом обеих империй, императоры которых бежали из своих стран) провозгласить Венгерскую советскую республику... Она просуществовала недолго. Как формулируют историки, она «захлебнулась в крови»: Бела Кун в своих действиях брал пример с «вождя мирового пролетариата» Ленина. Но венгры смириться с этим не захотели, «советской» республике в Венгрии пришел конец, и Бела Кун отправился туда, где «советская» власть набирала обороты и нуждалась в людях, не боящихся проливать чужую кровь.

Именно он – вместе с соратницей, коммунисткой с немалым партийным стажем Розалией Землячкой – стал руководить массовыми расстрелами, причем Землячка внесла усовершенствование. Она считала ненужным тратить на офицеров патроны и распорядилась действовать так – привязывать им к ногам камни и бросать связанных в воду. Крымские рыбаки рассказывали: долго потом, проплывая на лодке, видели они стоявшие на дне покачивающиеся тела...

6 декабря 1920 года Ленин на совещании московского партийного актива заявляет (впечатление, что речь он ведет не о людях, таких же, как он сам, а о крысах или вредных насекомых): «Сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим».

Слово «переварим» звучит страшновато.

Тут и Троцкий заявил, что приедет в Крым, «когда на его территории не останется ни одного белогвардейца». Тоже страшновато, согласитесь.

Верный последователь Ленина и Троцкого Бела Кун (слова и действия которого ясно показывают, что людей отличных от его взглядов он просто-напросто не считал людьми) провозглашает: «...Крым – это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то мы быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»

И стремительно стал подвигать.

По описаниям историков Крыма, «осужденных (напомню – без суда! – М. Ч.) выводили к месту казни раздетыми и привязанными друг к другу, ставили спиной к выкопанной ими же самими общей могиле, а затем расстреливали из пулеметов. Массовые расстрелы происходили одновременно во всех городах Крыма...»

Эти действия, весьма напоминающие, как уже говорилось, убой скота, происходили главным образом по приказам Белы Куна.

4

В 1964 году, когда после доклада Хрущева в феврале 1956-го и дальнейших событий и публикаций мы уже немало знали о нашей истории, в Купчине под Петербургом (тогдашний Ленинград) решили назвать улицу его именем.

Пять-шесть лет назад встал вопрос о переименовании. Приведем тогдашнее мнение лишь одного из жителей (с неизвестной, как нередко принято в интернете, фамилией): «Я родился на этой улице Белы Куна, сейчас на ней живут родители, а я в этом же районе, но не хочу никакого переименования, также не хотят и мои родители, и все, кто живет рядом с ними. ... Мне уже все равно, кто был Бела Кун и какие у него “подвиги”. Это уже имя нарицательное».

Словари русского литературного языка говорят нам, что слово *нарицательный* обозначает «ряд однородных предметов или явлений (река, лес, дом...)» – в противоположность имени собственному. Нередко имя собственное становится нарицательным: мы можем сказать про скупого человека – прямо Плюшкин какой-то! Но это не значит, что главное свойство этого человека, имя которого стало нарицательным, куда-то улетучивается: оно остается при нем. И палач Бела Кун остается палачом – в любом случае.

Убийца Чикатило стал уже в какой-то степени именем нарицательным. Услышав о серийном убийце, кто-то может сказать – Чикатило просто!.. Но вряд ли кто-то захочет все-таки жить на улице Чикатило, хотя он, убивший около шестидесяти человек, – кролик рядом с Белой Куном.

Глава шестая

О чем невольно думают мыслящие люди России перед каждой годовщиной великой Победы?

1

О чем тут, казалось бы, *думать*? Все яснее ясного, не над чем ломать голову. Ведь мы выиграли войну! Мы победили того, перед кем склонилась вся Европа!

Но Великая Отечественная война остается одной из самых больших сегодняшних тем для размышления тех, кто любит и умеет размышлять.

Роль Сталина в трагическом, повлекшем огромное количество жертв ходе *первых месяцев войны* все еще требует непредвзятого анализа – трезвая оценка этой роли до сих пор прячется в тени нашей Победы. И обследование российских восьмиклассников (накануне начала систематического изучения российского XX века в девятом классе) Брянской области, Кемеровской области, Перми, Каменска-Уральского, Ярославля, Нижнего Новгорода дало такой суммированный ответ на вопрос «Что ты знаешь и что ты думаешь о Сталине?»: был жесткий, даже порой жестокий, проводил репрессии, но одержал победу в войне.

Таким образом – в сентябре девятиклассники приходят на первые уроки по истории XX века с помойкой в голове. Кто-то из старших уже успел им внушить, что была причинно-следственная связь (именно ее передает повторяющееся во всех ответах «но») между бессмысленным массовым террором, разрушившим миллионы семей, осиротившим детей, и нашей победой над Гитлером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.